

Детектив Фантастика

Юрген Байконур

АРХИВ

I

Морское танго

Тролль

12+

Юрген Байконур

Архив 1. Троль, Морское танго

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Байконур Ю.

Архив 1. Троль, Морское танго / Ю. Байконур — «ЛитРес: Самиздат», 2014

«Архив» — общее название серии повестей, включающих элементы детектива, приключений, фантастики. Действия разворачиваются в первой половине XX века и в настоящее время. Место — Россия. Книга состоит из трех частей: 1. «Троль» и «Морское танго»; 2. «Четвертый элемент» и «Зерна»; 3. «Пересечения» и «Живец на живца».

Содержание

Троль, Морское танго	6
2	8
3	10
4	13
5	15
6	19
7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Архив
Часть 1

Троль, Морское танго

1

Троль

Будучи знакомым с Иваном Смагиным несколько лет, я только последнее время стал понимать, почему он гордится своей фамилией. Не из дворян, не благородный кровей, не из потомственных небожителей – чем, казалось бы, здесь гордиться? На эту тему мы напрямую никогда не говорили, лишь косвенно касались несколько раз. И как-то недавно он внёс ясность, сказав: будущее – это прошлое, помноженное на настоящее. Можно прошлое возвеличивать, можно умалять. При любом раскладе результат будет искажённым. А кому оно нужно – искажённое будущее? «Мне – нет, – пояснил Иван, потому и отношусь к прошлому бережно, активно, уважительно, с гордостью. И к фамилии своей – так же».

Честно говоря, я посчитал эту краткую концепцию весьма туманной и даже, не скрою, несколько банальной. И отметил при этом про себя, что рассуждения такого рода вообще не могут быть свойственны кризис-менеджеру – человеку, как мне казалось, острого ума, аналитических способностей и неординарных креативных возможностей. Однако от моих оценок мало что зависело.

Да, по поводу кризис-менеджера. Им как раз и являлся мой добрый приятель Иван Смагин. При этом надо отметить, это словосочетание он не любил. Кризис, говорил он, заключает в себе опасность и надежду. Опасность следует локализовать и изучить: может, и в ней есть какой прок. А вот надежде надо новые крылья пришить. И в процессе этом иглолка – железная воля управленца, а нитка – ясное понимание реформ, хотя бы в общих чертах, всеми участниками процесса. Как бы то ни было, получалось у него неплохо – и в плане консультаций, и в плане исполнения краткосрочных контрактов по оздоровлению тех или иных проектов. И в этом я ему слегка завидовал. Не успехам, нет. А тому факту, что временами он полностью уходил в работу, а временами откровенно бездельничал и даже скучал. Вот эта вторая составляющая прельщала меня своим бесспорным комфортом. Полагаю, что не только меня.

В такие благодатные для всякого рода творческих полётов периоды Иван приглашал меня в свою уютную квартирку, где каждый новый год начинал с грандиозных преобразовательских планов – с дум о ремонте. Годы шли, но небрежно набросанный карандашом на ксероксной бумаге проект пылился где-то среди сваленных в творческом беспорядке книг. Я, конечно, принимал приглашение. Иван от избытка чувств практически втаскивал меня из прихожей в комнату, усаживал в большое и очень любимое мной кресло и в очередной раз начинал меня уговаривать, как правило, по трём направлениям. Первое – поехать всё-таки на Байкал. Второе – плюнуть на всё и отправиться на рыбалку. Третье – помочь ему разобрать небольшой архив его прадеда, с которым он якобы уже давно и упорно возится, пролил семь потов, и так далее. Первое было из области мечты. Второе – хоть сейчас, рыбалка для меня приложение к дружбе с природой. А вот последнее вызывало у меня сложное чувство: разобрать это историческое наследие, конечно, желательно, но дальше что? Возни много, а выхлопа – никакого.

Иван именовал своё сокровище не иначе, как «Архив Смагина». Действительно, он время от времени извлекал из довольно объёмного сундука, тоже исторического наследия, не менее объёмные папки, раскладывал их на полу, вытирал пыль, листал, шептал, чертыхался, что-то рассматривал в огромную лупу... Не скажу, что эта кропотливая работа доставляла ему большое удовольствие, но душа его заметно теплела, глаза загорались, и сам он двигался в этот период на животворной волне. Я тоже иногда с его позволения на неё подсаживался. Странное чувство, поверьте, поселяется и в сердце, и в душе, когда пытаешься оживить события, слу-

чившиеся давно, далеко и не с нами. Чувство трепетное, тревожное и влекущее возможностью повторения.

Я не раз предлагал сделать архив достоянием широкого читателя: мол, именно так можно осветить нашим литературным талантом некоторые небезытересные дела минувших дней, а заодно и немного прославить и прадеда, и фамилию. Казалось бы, что проще? Однако Иван даже обсуждал эту тему неохотно. Разобрать, систематизировать – это одно. А вот составить из бессвязных служебных записок, плохо сохранившихся рапортов, распоряжений и даже доносов общую картину, представляющую интерес для массового читателя, – это совершенно другое, считал он.

Я понимал его сомнения, ибо сам не был уверен, что эта задумка может вылиться во что-то удобоваримое. Но одно дело понимать, другое – соглашаться. Я понимал, но не соглашался. Иван жил своей сложной, имею основания заверить, интересной и содержательной жизнью. Он не испытывал недостатка в эмоциях, в том числе – порождаемых экстримом. В таких случаях говорят: фигура самодостаточная. И вот у таких фигур, как мне подсказали не однодневные наблюдения, начисто отсутствует склонность к активному взаимодействию с окружающей средой, в нашем случае – с социумом.

Я не могу сказать, что Иван имел явные признаки эгоиста или эгоцентриста. Нет, конечно. Однако он полагал, что, если он смог наполнить свою жизнь достойным и не скучным содержанием, то и любой другой может без особого труда сделать то же самое. Отсюда следовал вывод: вряд ли какие-то архивные записки или описание его личных переживаний или приключений может кого-либо заинтересовать. Иван полагал, что у всех окружающих его людей проблем, переживаний, а главное – занятости и так хватает. В этом он, конечно, был не прав. Я придерживался другой точки зрения: бытовая суета, безусловно, затягивает в болото повседневности, но это вовсе не означает, что человек навсегда теряет глаза, жаждущие увидеть, уши, жаждущие услышать... Потребность в необычном, тайном, сказочном остаётся всегда. И потому не все усилия, направленные на удовлетворение этой потребности, тщетны. Иван меня слушал, согласно кивал головой, недовольно бурчал.

Со временем наступил перелом, и вызван он был событиями увлекательными, непростыми, порой страшными. И я даже затрудняюсь сказать, что стало движителем создания предлагаемых читателю записок: или упомянутый архив, или сами эти события. А раз однозначного ответа нет, то и пришлось объединить эти два временных пласта, и словосочетание «Архив Смагина» приобрело более широкое значение.

Иван согласился с таким подходом. И даже загорелся идеей. Но ненадолго. Он назидательно намекнул, что отрывочный лапидарный стиль архива надо бы оживить и, может даже, домыслить, дорисовать. А современную часть «архива» завуалировать, свести к основным штрихам – без деталей, которые очевидны, без изрядно всем надоевших подробностей. Словом, дал расплывчатые ЦУ и... пропал.

Нет, нет, он не пропал, так сказать, вообще, физически. Он просто погрузился в очередное порученное ему дело, опять бросился кого-то спасать. Я предположил, этот «кто-то» был очередной основательно подсевший на казино романтик-капиталист, однажды рано утром проснувшийся и увидевший в зеркале банкрота; такое отражение его не устроило, ему стало стыдно, он решил начать жить, если не сначала, то хотя бы с места удачного старта к финансовому олимпу; Иван согласился ему в этом помочь. Возможно, я ошибался в своих предположениях, но был прав в главном – приступить к работе придётся в гордом одиночестве. В общем и кратко – тогда всё и завертелось.

2

Морское танго

Москва. Кремль.

Во исполнение решения Совнаркома
от 15 марта 1921 года организовать
Управление режимных расследований (УРР).

Руководство отделом поручить
тов. Смагину Андрею Викторовичу.

Архив Смагина.

УРР. Дело 11.5.22. «Морское танго»

Эту историю можно называть детективной, жуткой, романтической, неправдоподобной. Кому как нравится. И ни один выбор не будет несправедливым – все эти эпитеты в полной мере могут быть отнесены к тем далёким событиям 1922 года. Вернее, события начались раньше, и насколько раньше, сказать теперь затруднительно. Фрагмент этих событий и связанных с ними различных – от реальных до фантастических – версий получил развитие в пятидесятые годы прошлого века, позднее и даже в настоящем. Но – лишь фрагмент. Архив Смагина содержит информацию, имеющее прямое отношение к деятельности УРР, документы охватывают конкретные действия сотрудников управления тем далёким летом.

Итак, начнём с известного рассказа Всеволода Иванова «Змий». В мае 1952 года писатель наблюдал в районе Карадага неизвестное животное, крупное, возможно, очень опасное, напоминающее издали огромную, если не сказать гигантскую, змею. Странное существо замечали другие жители Коктебеля и окрестностей, их рассказы трудно объяснить только лишь выдумками, оптическими и другими иллюзиями или розыгрышами. Всеволод Иванов поделился весьма впечатлившим его наблюдением с вдовой Максимилиана Волошина Марией. Её заинтересовала столь странная встреча, но сказать, что она была рассказом писателя поражена, будет преувеличением.

Легенда о карадагском змее уже тогда была не новой, и последний эпизод лишь дополнял копилку мрачноватых рассказов, слухов и воспоминаний. Мария Волошина поведала писателю: в 1921 году было много разговоров о некоем «гаде», которого неоднократно наблюдали местные жители. По прошествии многих лет Мария не могла вспомнить, где именно и в каком виде предстал перед жителями побережья зловерный гад. Было ли отмечено его присутствие в море, был ли он замечен на суше? Связано ли его пребывание в этом благодатном крае с человеческими или какими-то другими жертвами?

Означенные вопросы в 1952 году уже не имели ответа, тем более, не имеются они сейчас, хотя, надо отметить: обилие интернетовских и печатных материалов на эту тему склоняет к морской версии. Но вариант пребывания таинственного гада на суше тоже имеет под собой основание. И вот почему. В 1921 году феодосийская газета сообщила своим читателям: на побережье в районе Карадага был направлен отряд красноармейцев с целью «изловить гада». Эту заметку вырезал Максимилиан Волошин и направил её Михаилу Булгакову. Есть предположение, что именно эта заметка подтолкнула Булгакова написать «Роковые яйца». Так это или не так, судить трудно, но сам факт отправки пехотных красноармейцев на охоту, позволяет предположить, что земная версия существования карадагского змея также имеет право на жизнь.

Остаётся только добавить, что в ходе беседы с Всеволодом Ивановым Мария Волошина, вспоминая события тридцатилетней давности, обращалась пару раз за помощью к крепкому

мужичку средних лет, который помогал ей во дворе по хозяйству. Он согласно кивал: мол, было дело, именно так оно и было...

Вот именно этот мужичок, а тогда двенадцатилетний мальчуган Кирилл, в июне 1922 года помогал своему деду Михаилу разгружать лодку после рыбалки. Вёсла, черпак, холщовая сумка, уже пустая бутылка и наконец большая корзина с рыбой. Камбала, кефаль, большой ёрш-красавец...

– Вот он, зараза, уколёт – с неделю будет огнём гореть, – предостерёг дед Кирюху.

Мальчик молча кивнул, снисходительно вздохнул: он уж и не мог сказать, в который раз слышал это предупреждение и все подходящие ему советы.

– Я его ножичком остреньким, осторожно, – выдавил он из себя.

Дед бросил взгляд в сторону моря. Вдалеке плыла лодка. Солнце, отражавшееся в воде, слепило глаза, расстояние не ближе – в ней слабо просматривались фигурки двух, может, трёх человек.

– Чужаки. Повадились. Может, опять наука? До неё сейчас? – проворчал дед Михаил. – Иль беглые какие? Иль до яшмы, да других каменьев любители?

Лодка быстро скрылась за скалой. Море – тихое, слабый прибой. До берега донёсся приглушённый расстоянием всплеск, неясные крики. Дед и мальчик прислушались. Тихо – только шум моря.

«Никак кричали, деда?» – спросил Кирилл и тут же подумал: может чайки – души погибших моряков. О таком эпитете он как-то прочитал в книжке, не помнил, в какой. Сравнение ему не понравилось – надоедливые они, крикливые, прожорливые. Возможно, речь шла об океанских чайках, им не виденных. Океан большой, там штормы, огромные корабли, волны в двадцать саженей, не меньше. И ещё там есть «ревущие сороковые» широты. Кирилл отметил их расположение на старенькой карте, рассчитал расстояние – далеко. Там, в Океане, всё может быть...

– Далёко. Может, и кричали. Шумные. Повадились тут.

Дед с тревогой посмотрел на мальчика.

– Ты смотри, осторожней в скалах. Не приведи господь...

Мальчик кивнул, улыбнулся: он уже большой и, как себя вести и в море, и на суше, и в скалах, он давно знает. Дед и сам должен это понимать – не раз видел содранные в кровь коленки, пару раз вытаскивал из ладони внука рыбацкие крючки. Мальчик прекрасно плавал, нырял, без особых усилий мог за считанные минуты набрать с полведра рапанов – знал места и их координатами делился неохотно. А что касается мидий, так эту охоту Кирилл даже считал за себя зорной – проще не бывает. Кирилл попробовал корзину на вес:

– О! И гостям, и нам хватит.

– Всем хватит. И гостям, – задумчиво с нескрываемым недовольством произнёс дед. – Сегодня гости – завтра хозяева. Кто их знает.

– Говорят, они из ЧК? – спросил мальчик.

– Много говорят. Может, и из ЧК. Время такое. Сегодня ЧК, а завтра...

Дед вздохнул.

– А лодку ты им дашь? – спросил Кирилл.

– Спросят – дам.

Дед взвалил вёсла на плечо, подхватил одну ручку корзины, Кирилл быстро схватил черпак, сумку и взялся за вторую ручку. Подняли добычу, тронулись. Дед оглянулся, окинул взглядом море, покачал головой. Яркие солнечные лучи, отражавшиеся от воды, больно ударили в глаза, он отвернулся, хотелось смахнуть пот со лба, но руки были заняты. Дед Михаил ранее не замечал порой охватывающей его сиюминутной беспомощности. В последнее время она стала его раздражать и вызывала лёгкие приступы грусти.

3 Тролль

Иван любил рыбалку. Я – не очень, ну, только если за компанию. А кому нужен такой компаньон, который «не очень»? Поэтому в этот, далеко не первый, раз Иван поехал на озеро Весёленькое самостоятельно. Добыча – не богатая, но развеяться получилось: отдохнул и от работы, и от дурацких телефонных звонков. Именно дурацких.

Поясняю. Вечером, перед выездом, в квартире Ивана зазвонил городской телефон, звонил долго и настойчиво. То, что ожил стационарный аппарат, событие само по себе из ряда вон выходящее, так как Иван пользовался им крайне редко, никому номер не давал и даже собрался вообще от этого вида связи отказаться. Но главное – содержание. Некий крайне взволнованный гражданин поинтересовался, действительно ли он говорит с господином Смагиным. На что Иван, естественно, ответил утвердительно. Затем диалог выглядел следующим образом. Привожу его один к одному, дабы картина была полной, плюс к этому разговор характеризует манеру общения моего друга.

- Вы действительно Смагин? (собеседник взволновал, близок к истерике).
 - Повторяю, да, это я.
 - Вы не могли бы назвать имя, отчество?
 - Кто вы и зачем вам это?
 - Долго рассказывать. Поверьте, это в ваших интересах.
 - Смагин Иван Юрьевич.
 - Господи, так оно и есть.
 - Вы что, ещё и с господом разговариваете?
 - Нет, нет, это так, к слову... Вам угрожает опасность!
 - Нам всем постоянно угрожают опасности, даже когда мы их не замечаем...
 - Поверьте, мне не до шуток. Я прошу вас: будьте осторожны! Более я ничего не могу вам объяснить, ничего. Я не хочу, я не хотел бы... считаю своим долгом вас предупредить...
 - В чём она заключается эта ваша опасность? Что я должен сделать?
 - Не могу объяснить, будьте осторожны, осмотритесь, прошу вас, умоляю, если хотите...
 - Уверяю вас, буду осторожен, впрочем, как и всегда.
 - Сейчас – это не всегда. Я рад, извините, я должен был...
- Трубку положили.

Ну, что мог сделать после такого странного и тревожного случая мой друг Иван Смагин? Конечно – поехать на рыбалку. Озеро крупное, ловить в стоячей воде на поплавок – беспорное удовольствие. Карась брал лениво, но терпение и сноровка дали свой результат.

Иван был в рыбалке ярко выраженным половинчатым консерватором. Снасти, катушки, шнуры, лески и прочие прелести рыбацкого оснащения он буквально отслеживал в специализированных магазинах и, если появлялась новинка, достойная его внимания, она тут же пополняла его арсенал. Что касается всякого рода продвинутых привад, наживок, то здесь Иван был непреклонен и руководствовался «дедовскими» методами. «Все эти ароматизаторы и прочую химию» он упрямо не признавал, ими не пользовался и называл маркетинговым шулерством. Состав его прикормки – хлебные сухари, жареные подсолнечные семечки, мелённые на кофеварке, жмых. Насадка – червь, опарыш, тесто, приготовленное по мудрёным и постоянно обновляющимся рецептам. И ни шагу в сторону. Что ж – это его право.

Иван знал, что этот водоём пользовался недоброй славой. И отдельные люди здесь тонули, и лодка деревянная прогулочная как-то оказалась непонятным образом на дне, вместе с пассажирами. Поговаривали даже, что живёт в этом озере неизвестное злое животное, в любой

момент готовое напасть на отдыхающих. Действительно, в осеннюю слякоть озеро выглядело мрачно, даже зловеще. Хотя надо признать, что и другие водоёмы выглядят при таком освещении не лучше. Что касается лета, то в это время и красиво, и удобно, и счастье рыбацкое стороной не обходит. Поэтому весь позитив Иван связывал непосредственно с озером. Ну, а негатив – с чрезмерным пьянством и скудной фантазией отдыхающих и местных жителей.

И на этот раз тот факт, что добыча была небогатой, впечатление не омрачил. Иван не был добытчиком, рыбалка – это отдых и где-то даже медитация, полагал он. А вот задержка в пути поначалу вызвала чувство лёгкой досады. Иван выехал в деревню ранним утром, почти ночью. На участке загородного шоссе, коим следовал Иван, произошла авария.

В неглубоком кювете лежал разбитый автомобиль, хозяин которого, предположительно, ехал на дачу. Бездыханное тело пострадавшего увезли. На дороге – несколько зевак-водителей, их машины, мешающие ожившему к утру движению. По сторонам дороги – поля, справа, если следовать из города, красовался ряд рекламных щитов. Двигатель прогресса явно не вписывался в ландшафт. Возможно, так было задумано – игра на контрасте, на парадоксах визуального восприятия.

Свидетелей нет. На взгляд человека, не в первый раз ставшего вольным или невольным участником такого печального казуса, количество служителей фемиды, пребывавших и в форме, и в штатском, было несколько чрезмерным, такому банальному случаю не подобающим. Это Ивана не могло не заинтересовать. Иван обладал поразительной способностью быть незамечаемым. Я уж не знаю, как ему это удавалось. Он мог без труда пройти почти на любой охраняемый объект, попасть в высокий кабинет, не встретив лобовой атаки секретарши или широкоплечего референта, получить аудиенцию небожителя, сделав краткий предварительный звонок. Какими ходами, приёмами и волшебными словами он пользовался, я не знаю, но всё получалось. Воспользовался он этим своим качеством и на этот раз.

В сторонке – немолодой крупный мужчина в штатском – ну, точно киношный генерал – строго беседовал с подполковником. Последний слегка недоумевал:

– Я понимаю – шестой случай. Но ночь, скорость, водитель без пассажиров, внимание притупляется...

– Вопрос не в том – сколько. Вопрос в том – как.

– Место – сами видите. Техническое состояние – экспертиза покажет, – без особого энтузиазма комментировал происшествие подполковник.

– Она уже показала, по предыдущим случаям, что технически исправные машины летят на обочину как... Как заколдованные. И все – покойники.

Подполковник мнётся: что тут скажешь? Молчит, пытаюсь изобразить руками неопределённость своей точки зрения по обсуждаемому вопросу. Начальник внимательно следит за руками, ни разгадки, ни подсказки в манипуляциях не видит. Он сбавляет громкость:

– Понимаю, понимаю. Только не понимаю, почему все пострадавшие – одиночки.

И вновь к нему обращается недоумённый взгляд подполковника. И тогда шеф поясняет:

– Все пострадавшие ехали в единственном числе. Теперь понятно?

Подполковник силится осмыслить сказанное и неуверенно говорит:

– При такой скорости – оно и к лучшему. Если б не один, смело умножай на два, на три, а то и... Не дай, бог.

– Так-то оно так. Но не так...

Подполковник замолчал, решил переждать. Начальник опять допустил неопределённость:

– Стал бы я сюда приезжать...

Подполковник подумал и, видимо, решил, что медлить с оценкой происходящего больше нельзя:

– Вот и я думаю... Гибель людей – конечно, ЧП. Но – быются каждый день. —

– И то верно – каждый день, – ответил начальник и обвёл взглядом место происшествия. Кивнул на рекламные плакаты, спросил:

– А это ещё что? Давно?

– Реклама: народу – товар, казне – доход. С полгода как поставили, освещение подвели.

Сейчас наполняют.

– Доход – дело нужное, – с лёгкой усмешкой сказал начальник. – Дорожное покрытие?

– Сухо. И ночью было сухо. А вот в нескольких случаях, в тех, что раньше, дождик шёл.

Так что – немудрено...

– Это понятно, – начальник не дал собеседнику закончить мысль и уточнил: – Меня интересует укладка. Укладка покрытия. Может, ямка какая, перекоп? Машину заносит, выбрасывает, центробежная составляющая.

– Проверяли. Норма.

– Ещё раз проверьте!

– Будет сделано, – отрапортовал подполковник, нерешительно приблизился к собеседнику и вкрадчиво поинтересовался:

– А что этот, пострадавший, – не из простых?

– Из простых, из сложных – не знаю. Дело это – не из простых. И этих дел... таких вот накопилось... Вот таких, что тyani-тyani – не натянешь, хоть списывай за давностью, хоть засаливай!

Закончив диалог таким замысловатым способом, начальник повернулся и пошёл к служебной машине. Подполковник проводил его тревожным взглядом. Начальник, садясь в машину, ясности не прибавил и лишь коротко бросил:

– Занимайтесь!

И машина укатила.

Иван решил, что более он ничего интересного не увидит, не услышит, сел в автомобиль и продолжил путь.

Прошедшая ночь была почти бессонной, и по прибытии домой он собрался часок-другой поспать, иначе весь день насмарку – в голове сумбур, в глазах туман. Разумное решение. И только мой друг собрался его реализовать, произошло то, чего он в глубине души ожидал: зазвонил городской телефон. Или неумный шутник или сумасшедший, подумал Иван, вспомнив странный вчерашний разговор. И оказался прав. Незвестный опять вежливо, как показалось Ивану, заплетающимся языком уточнил фамильные данные Ивана и истерически предупредил об опасности. Забавное перестало быть забавным. Розыгрыш – слишком тупо. Запугивание – ещё тупее, и нет оснований. Ошибка? Но человек же уточняет фамилию, имя. Бред какой-то.

Иван походил по комнате, побросал самодельные дротики в самодельную мишень, пару раз промахнулся и повредил и так уже изрядно обитую штукатурку, покурил, что он делал весьма редко – по настроению, подумал. Ничего не понятно.

4

Морское танго

Смагин Андрей Викторович.

Год рождения 1895.

Начальник управления РР.

Служит в управлении

со дня основания.

Смагин сидел на перевёрнутом ведре в тени небольшого, сложенного из природного камня сарая. Он выглядел старше своих лет, как и многие молодые люди, выдернутые из обычной мирной жизни и поставленные в условия, в которых принцип «лучше быть победителем, чем побеждённым» приобрёл самый что ни на есть нериторический смысл. Андрей Смагин вспомнил предшествующий его новому назначению разговор с товарищем Листером, который к его удивлению, не только не попрекнул его непролетарским происхождением, но даже сделал позитивный упор на этом факте. «Средняя интеллигенция также ощущала на себе гнёт самодержавной косности и не могла с максимальной отдачей физических и умственных сил служить своей стране, реализовать себя в полной мере, – сказал тогда Отто Листер. – А теперь пришло время выложиться на полную – так, как того требует новое время!» На слове «новое» он сделал мощное ударение и выжидающе посмотрел на Смагина. «Страховская мужская гимназия – солидное заведение, это и много, и мало. Смотря с чем соотносить. Соотносите с необходимостью в кратчайшие сроки построить мощное государство, где никто не будет обделён. Вы меня понимаете?» – продолжил Листер.

Понимаю, ещё как понимаю, подумал Смагин и передвинул ведро поглубже в тень. Он отметил одну странную деталь. Неоднократные попытки погрузиться в воспоминания заканчивались неудачей. Он пытался мысленно пройти по московским улицам тех лет. По Садово-Спасской, где находилась гимназия, по полюбившимся Мясницкой, Лубянской, Никольской... И не получалось. Ему казалось, что это всё было настолько давно и теперь скрыто так далеко, что его разум не в состоянии преодолеть это время и расстояние. Революция, гражданская война настолько спрессовали жизненное содержание, что стена, выстроенная из этого концентрированного материала, закрывала путь к прошлому.

Ну, а по поводу «много-мало», конечно прав товарищ Листер, подумал Смагин, – учиться надо! Но – как и когда? Он всерьёз подумывал об институте красной профессуры и даже решился. Однако был включён в особую петроградскую группу, ориентированную на обезвреживание Ленки Пантелеева. Банда действовала дерзко, не без бравады. Её «подвиги» обростали слухами, и даже упоминание о ней вызывало панический страх обывателей. Особая группа несколько раз выстраивала хитросплетённые ловушки – бандиты их обходили. Это невозможно было объяснить везением или чутьём – банду предупреждали. К такому выводу пришёл Смагин. И ещё его смутил тот факт, что банда не грабила государственные учреждения, только нэпманов. В народе это вызывало немое одобрение, это понятно. Но почему они не грабили? Там тоже хватало, чем поживиться. Возможно, банда управлялась внешним источником, и этот источник был близок к государству – это был второй вывод. Своими соображениями Смагин поделился с начальством. Затем состоялась беседа с товарищем Листером, и вот теперь он здесь, на солнышке. А его бывшая группа тщетно пытается обезвредить банду Леонида Пантелкина – такова настоящая фамилия главаря...

Смагин услышал голоса приближающихся рыбаков, встал, поправил выцветшую гимнастёрку и вышел им навстречу. Подхватил ручку корзины, что держал мальчик, чему Кирилл явно не препятствовал.

– Знатный улов, я такого никогда и не видел, – с искренним восхищением сказал Смагин, не видевший морского улова ни разу в жизни, с интересом рассматривая содержимое корзины.

– Раз на раз не приходится. Бывало и лучше. А бывало... Всякое бывало...

Занесли корзину в домишко – женщинам есть, чем заниматься. Мальчуган разложил в тени инвентарь. Смагин осторожно, но настойчиво взял деда под локоть и увёл в сторону. Дед не возражал и был полон внимания. Но сразу разговор не состоялся. Дед с досадой похлопал себя по карманам и вернулся в дом. Быстро возвратился, в руках кисет и обрывок газеты. Скрутил самокрутку, задымил. Видно, в домике, когда заносили корзину, Смагин задал старому рыбаку какой-то вопрос и слова деда Михаила были ответом:

– А что людей-то пугать? Люди, они сюда из Феодосии, кто как может, добираются. Двадцать вёрст по такой дороге... А до Феодосии... Лучше и не думать. Любят они это место, душой стремятся. Большие люди, сам знаешь. Зачем их, людей таких знатных, пугать-то? Сказки эти давно здесь сказывают.

– Пугать никого и не надо. Не за этим мы здесь. Посмотрим, разберёмся. Где выдумка, где быль, – сказал Смагин, посмотрел по сторонам, глянул на солнце, зажмурился, чихнул, махнул рукой и продолжил: – Чудные у вас места, здесь без сказок никак нельзя. Всё – как в сказке.

– У нас тут в прошлом годе зверь объявился. Скот пропадал, рожки да ножки только и находили. Людей пугал. Дракон, говорили. Верить – не верить? Гад, словом. Солдат присылало начальство. Ловили. По берегу искали. Не уж-то он и воде, и посуху обитает?

– Кто он? – с хитрецей спросил Смагин.

– Гад этот. Кто ж ещё? – выпуская густую струю дыма, сказал дед.

– Как знать, как знать. Задача! – Смагин нагнулся к деду, принимался. – И табак хорош!

– Конь недавно пропал. Добрый, рабочий.

– Беда. Животное в хозяйстве нужное. Поговаривают, чужаки здесь.

– Имеются такие. Но не балуют.

– Не балуют – это уже хорошо, – оптимистично заявил Смагин. – А скажи мне, дядь Михаил, как мне с большими людьми, что отдыхают здесь, свидеться?

– Ну, это просто, проще нет. Не любят, они, правда, когда беспокоят их. Провожу, если надо. Иль дорогу укажу. Писатели, художники, чудной народ. Интересный. В доме Волошиных они собираются.

5 Тролль

С очередным заказом Иван разделался быстро – буквально за несколько дней. Пригласил меня в гости «на чаек». При встрече подробностями не делился, из чего я сделал вывод – пустяки, рутина. И Иван подтвердил: там кризиса не было, просто разгильдяйство и безграмотность; кризис-менеджер там не нужен, там нужен оптимизатор. Я не думаю, что между двумя этими туманными терминами, определяющими не менее туманные функции, есть большая разница, мне кажется, они по своей сути идентичны. Но, если Ивану нравится такое разделение, пусть будет так.

Иван восседал в своём любимом кресле. Я в своём и тоже любимом. Иван курил редко – баловался. На этот раз он неумело раскурил сигару и пытался пускать кольца. Я не эстет, попросил «затянуться», он великодушно позволил. Лицом я изобразил что-то вроде «умеют же люди», а подумал: что немцу в радость, то русскому человеку смерть. Вслух комментировать не стал. А вот кофе, приготовленный Иваном по очередному известному только ему рецепту, я искренне оценил, как всегда, на отлично.

Признаюсь, я не лишён любопытства и в вялотекущем разговоре дипломатично заострил внимание на странных телефонных звонках – должна же история получить хоть какое-то продолжение. На это Иван отреагировал по-философски: на свете есть много чудес, мой добрый приятель Игорь Горациевич... Ясно с ним, в общем. Но не верил я ему: не такой он человек, чтобы пройти мимо такого казуса. Думаю, что всерьёз он звонки не воспринял, иначе бы сразу попытался раскрутить этот маленький ребус. Но заинтересовался и занял выжидательную позицию. Может, ждал третьей выходки от таинственного незнакомца?

Когда я пытаюсь изложить позицию Ивана по тому или иному вопросу, то почти всегда говорю в предположительной манере. Это не случайно. Не скрою: я иногда плохо понимаю своего друга. Общее направление его мыслей, жизненную позицию я улавливаю и в основном разделяю, но говорить о каком-то родстве душ, волшебном сходстве мнений по любому вопросу я не могу.

Иван – он странный, прошлое его окутано туманом. Он не говорит – я не спрашиваю: всему своё время. Иногда я пытался вытянуть из него сокровенное, но на моём пути тут же ставился заслон из иронии и дурашливых приколов. Мы как-то ехали на его машине по окраинной улице Ленина. И я в продолжение плавно завязавшегося разговора о личном спросил его о Глебе, его старом приятеле: как познакомились, когда... Иван посмотрел на меня, словно я посягнул на принадлежащую только ему святыню, сменил настрой и понёс.

«Не понимаю, – сказал он, – мы сейчас едем по живописной улице с судьбоносным названием. История словно замерла. А где улицы под названием «третья демократическая» или «тупик империалистический»? И почему, – он строго посмотрел на меня, – левые всегда говорят: «наше дело – правое»? В то время как их дело – левое? Они что – со следа сбивают?»

Затем он предложил дать название перекрёстку. Дело в том, что улица Ленина пересекала под прямым углом улицу Плеханова. Вот эту дорожную конфигурацию Иван и хотел назвать «краеугольником» – точкой соприкосновения и борьбы двух философских и политических тенденций. Добавил при этом, что, возможно именно этой борьбой и был обусловлен псевдоним, совершенно неверно связываемый с известным ленским расстрелом. Намного раньше этого печального события Плеханов именовал себя в газетных публикациях Волгиным и, возможно, этим надумил пролетарского вождя ассоциировать себя с могучей сибирской рекой. Болтал он ещё довольно долго и не по существу. В общем, ушёл от ответа. И так – неоднократно.

Прошло несколько дней – тишина. В это время я имел возможность серьёзно покопаться в архиве и отобрал несколько интересных, на мой взгляд, дел. Сказать «интересных» мало. Я был удивлён крайне: не верилось, что в те далёкие времена нашлись люди, способные создать службу, хоть и маломощную, призванную раскручивать проблематику, совершенно не вписывающуюся в тот ритм и формат жизни. И был удивлён дважды, если не сказать поражён, по той причине, что даже не подозревал о фактах, вполне заслуживающих и обнародования, и обсуждения, и изучения, и понимания, и даже честного признания: они, эти факты, в некоторой части своей пока нами не понимаемы.

Тревожный звонок в конце концов состоялся. Но звонил не таинственный незнакомец Ивану, а Иван мне.

– Ерунда какая-то, в голове не укладывается, – сообщил мне мой приятель, – лодка, целый катер, утонула...

Я вообще-то привык к его манере вести разговор, но ни отрывочные воспоминания недавних бесед, ни попытка запустить фантазию не помогли: я ничего не понял. И только после наводящих вопросов и доходящих до грубости реплик кое-что уяснил. На любимом ивановом озере исчезла лодка, притом с пассажирами. Ушла и не пришла. Лодка-то полбеда, но вот люди. Там того озера-то... Естественно, я задался вопросом: а причём здесь Иван? Выяснилось, что среди исчезнувших пассажиров был хозяин дома, где Иван иногда оставлял машину. Они были немного дружны, частенько и не без взаимного интереса общались. Печальную эту новость он узнал от хозяйки, которую вдовой называть не спешил. Пропала – это ещё ничего не значит. Рыбаки могли загулять, пошутить, мало ли, что они ещё могли. Как бы то ни было, взволнован Иван был, если не чрезвычайно, то чрезмерно.

Я отметил про себя: Иван что-то не договаривает. Не мог трагический случай, притом окончательно не известно, что это за случай, настолько выбить его из колеи. Поэтому, когда мы, переговорив по телефону, встретились, я был решителен. Если ранее я проявлял немалую дипломатичность и великодушно ему прощал всякого рода недомолвки, то на этот раз занял наступательную позицию и буквально потребовал объяснений: в конце концов, друг он мне или нет? Представляете, сработало.

Иван опять вспомнил тот факт, что озеро пользовалось дурной славой. Должен признать, что это воспоминание меня немного разозлило, ибо относился Иван к этой «славе» иронично. Но мой конфликтный запал быстро остыл, так как Иван не стал нагонять туман и рассказал мне о случае, с ним происшедшем, о котором он ранее умолчал.

Дело было так. Иван приехал на озеро вечером, позднее, чем рассчитывал. Задержали дела, и первоначальный план рыбалки, включающий в себя вечернюю зорьку, рухнул. Рухнул – так рухнул. Иван установил свою маленькую палатку, развёл небольшой костерок и без всякого ущерба для душевного состояния скоротал ночь. Да и какая летом ночь? Ранним утром он вышел «в открытое море» на надувной лодке. Место ловли было намечено заранее, к нему он и следовал. Утренние сумерки искажали дневную действительность, виды открывались причудливые. Вдалеке призывали к новому дню петухи, какая-то птичка, возможно, сойка, резкими истеричными выкриками шевелила нервы. В общем, утро как утро.

Грёб Иван, не спеша, к месту добирался минут десять. Нашёл свои родимые поплавки, закреплённые ещё месяц назад, привязался, бросил прикормку и решил немного подождать – для заброса удочек было темновато. Скорее всего, он на мгновение задремал. Именно на мгновение. Такое бывает. И вот в это мгновение и произошло нечто, приведшее к тому, что лодка набрала приличное количество воды. Иван уловил движение, но, что произошло, не понял. Сознание восстановило картину, и получалось, что лодка сильно качнулась, резко. Но несильно повернулась – её удержали натянутые якорные верёвки, и зачерпнула воду, словно какая-то мощная сила надавила на борт сверху или потянула его снизу. Результат – полно воды и очень даже неприятный осадок в душе и где-то даже в пятках.

Пока вычерпывал воду, несмотря на внезапно нахлынувшее паршивое самочувствие, Иван пытался осознать происшедшее, но ни одной дельной мысли в голову не пришло. Дальнейшее развитие событий полностью соответствовало его характеру – отсидел зорьку, наловил карасей и голавлей, отвязался и покинул место ловли. Что ещё? Почти ничего. Ну, для полноты картины – глубина в этом месте около четырёх метров. Паршивое самочувствие по всей вероятности было вызвано недосыпанием и волнением, неразрывно связанным с кровавым давлением, и это не удивительно. Я, естественно, поинтересовался: почему эта незабавная история была от меня скрыта. Иван пояснил: именно по той причине, что никаких мыслей по этому поводу в его голове не родилось. Единственное, что пришло в голову: лодка в прохладной утренней воде остыла, плавучесть снизилась, он задремал, неловко повернулся и опёрся, например, локтем на борт... Но это объяснение Ивану серьёзным не представлялось. А зачем пудрить мозги товарищу, если самому ничего не ясно, добавил он. И вот теперь, пояснил Иван, тот случай вспомнился. Как бы то ни было, придётся съездить и в деревню, и на озеро. Придётся, значит, вперёд. Я не смог составить Ивану компании по причине занятости.

К вечеру Иван позвонил. Довольно подробно описал происшедшее, тем более, что я на озере бывал и потому картину событий дорисовывал и своими собственными наблюдениями и впечатлениями. Лодку нашли, пассажиров тоже. Нашли – на дне. Все погибли. Глубина порядка трёх с половиной метров. Судя по тому, что утонувшие были найдены рядом с лодкой, то спастись никто не пытался или не имел возможности. Получалось, что лодка с рыбками пошла ко дну мгновенно или они были не в состоянии бороться за свою жизнь. Насчёт состояния покажет экспертиза. Но в целом картина удручающая. Я был удивлён, так как где-то в глубине души полагал, что ребята просто, так сказать, увлеклись отдыхом. Спокойное озеро, надёжная лодка, три взрослых человека... Не понятно. И страшненько.

Перезвонил Иван уже утром, из дома, поздним утром, очень поздним. Оказалось, случилась ещё одна неприятность – бытовая. Пока Иван находился на берегу, кто-то копался в его небрежно брошенных вещах – пропал пакет с завтраком и блокнот. Блокнот новый, записей там немного, но важные. Поговорил с местными, сообщили: объявился недавно на озере какой-то мужичок странный. Где живёт, неизвестно, но бродит по берегу, людей сторонится, если кого завидит вблизи, неуклюже прячется; точно не установлено – не ловили, но есть подозрения, что именно он приворовывает еду, рыбу, спички и прочее рыбацкое богатство. Или бомж, или сумасшедший, или разочаровавшийся в цивилизации и устройстве Вселенной мыслитель, или и то, и другое, и третье вместе взятые.

– И опять авария, – сообщил по телефону Иван. Естественно, опять в своём стиле.

– Почему опять и какая авария? – стараясь не психовать, спросил я.

– Я же рассказывал... На том же участке, примерно в то же время – авария. Машина разбита, пассажир в коме, тяжёлый. Дорога ровная сухая.

– Значит, не судьба, не повезло! – так я среагировал и затем спросил: – А что поздно звонишь? Проспал?

– Ошибаешься, дружище – недоспал. С утра я к ребятам некоторым съездил и кое-что уточнил по этим двум случаям.

– Каким двум случаям? – я начал закипать.

– По этим – двум, – доходчиво пояснил Иван, и лишь немного подумав, внёс ясность: – По этим двум авариям. Так вот вторая из этих двух, она на самом деле не вторая, а уже седьмая. Понимаешь? А та, которая первая, она же шестая, это та, о которой я тебе уже рассказывал.

Хорошо, что Иван был далеко, я бы его убил. Аварии, лодки, утопленники, архив и черноморские драконы – это уже перебор. Я мужественно молчал.

– Так вот та, первая, которая шестая, интересна тем, что водитель за мгновение перед аварией с кем-то разговаривал. Это кто-то находился в машине. Понимаешь?

– Иван, я убью тебя! – таким был мой ответ.

Иван помолчал. А я подумал: боже, и этот человек работает кризис-менеджером. Он же запутает любого запутавшегося так, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не распутается. По логике вещей я был прав. Но реальные факты говорили о другом – за спиной у Ивана были вполне ощутимые и серьёзные победы. Определение «ощутимые» я использовал не зря, так как благодаря именно этим победам, мне удавалось в трудные времена неплохо у него кредитоваться и уверенно прерывать падение в самую глубокую пропасть, которая, как известно, финансовая. Моя реплика подействовала.

«Понял, поясняю» – сменил тон Иван. Меня это обрадовало. Однако он тут же добавил: «Поясняю для бестолковых». Я, конечно, с таким эпитетом было не согласен, но промолчал: в конце концов, мы друзья.

– Аварий на этом участке произошло семь, включая ту, свидетелем последствий которой я стал сегодня ранним утром. Понятно? Все семь произошли на ровном участке дороги, в хорошую погоду, ночью или ранним утром. Все водители ехали без пассажиров. Во всяком случае, они, пассажиры, не обнаружены. Понятно? Но шестая имеет отличия. Водитель незадолго до аварии разговаривал по мобильному телефону с родственником. И этот родственник утверждает: водитель общался с пассажиром, разговор шёл на повышенных тонах, возможно ссорился. Понятно?

– Теперь всё понятно, – сказал я, – не понятно только, какой тебе интерес до всего этого? Ты здесь причём?

– Как? – удивился Иван. – Случаи из ряда вон выходящие. А ты меня спрашиваешь «причём». Копать надо, батенька, копать. Что-то здесь нечисто!

– Возможно, – высказал я своё ёмкое мнение, – возможно, и нечисто. Но мы же архивом планировали позаниматься...

– Архивом? Надо, конечно, надо. Я так понимаю, ты приступил?

– Да.

– Вот и умничка – не буду тебе мешать, столько дел. Пока. Отзвонюсь.

Что я здесь могу сказать? Очень милое содержательное общение, а главное – продуктивное. Что-то мне всё это стало надоедать. И тут мне в голову пришла идея: не пора ли и мне вмешаться во всю эту историю? Ответ на этот вопрос недолго висел в воздухе.

6

Морское танго

Сеулин Михаил Афанасьевич.

Год рождения 1898.

Сотрудник управления
режимных расследований.

Служит в отделе со дня основания.

Сикорских Мария Александровна.

1900 года рождения.

Сотрудник управления
режимных расследований.

Служит в отделе со дня основания.

Михаил Сеулин был восхищён морем, но скрывал свои чувства. Он смотрел на него и не верил, что судьба так неожиданно и по-доброму распорядилась его детской мечтой. Он не знал, как закончится это его невольное приключение, не думал, как долго он будет пребывать на этом ласковом берегу – не хотелось заглядывать вперёд. Первые дни пребывания в Крыму наполнили его душу тайной и безграничной радостью, казалось, что этого запаса светлых эмоций хватит, чтобы преодолеть любой, даже самый печальный итог расследования. Это – в худшем случае. Лучший случай Сеулин представлял себе с трудом, он лишь рисовал себе образ небольшой честной победы, которая непременно должна увенчать деятельность группы.

Грязь, голод, кровь, смерть – всё это не исчезло, но здесь – померкло, куда-то ушло, оставило, замерло. Добирались из Москвы шесть дней, условия – не ахти, и на финише такой контраст. Утром, после жаркой и беспокойной ночи, Михаил выглянул в окно поезда и чуть не задохнулся от охвативших его одновременно восторженных и противоречивых чувств. Сеулин не знал – да и как он мог знать? – особенность Феодосии: здесь железнодорожный вокзал расположен у самого моря, и первое, что видят мгновенно забывающие дискомфорт и тяготы пути приехавшие – пляж, бухта, морская даль, чайки... Это всё появляется одновременно и неожиданно – есть от чего растеряться.

Затем был путь в посёлок, близкие горы и дальний лес. Такие виды вполне бы обогатили образы блистательных героев Жюль Верна, Майн Рида... Это рай? Есть он, нет его – вопрос спорный и не актуальный, полагал Сеулин. Но если он есть, пусть он будет таким. Не хватит пальцев на руках и на ногах, чтобы посчитать, сколько раз он сам, Мария, товарищ Смагин и многие, многие другие, оказавшиеся по эту сторону баррикад, могли покинуть этот мир. Кто мгновенно, даже не поняв, что произошло, кто после тяжёлой болезни и лазаретовских мучений, кто – садистскими усилиями безумного палача, не ведающего, как правило, что творит. И почему «по эту сторону баррикад»? А как же другие – выбравшие сознательно или невольно ту сторону? Где их рай и ад? Неужели и после смерти «мы» и «они» будем разделены?

Михаил редко предавался таким мыслям и не пытался им противостоять: как найдёт, так и уйдёт. Но об этом тоже надо думать. Говорить – нежелательно, но думать надо. Это только наивным людям кажется, рассуждал он, что гигантская мясорубка остановилась, и все великие задуманные преобразования дадутся лёгкой ценой. Одна система ценностей, пусть большей частью ложных, разрушена, другая ещё не создана. Промежуточные состояния общественных систем всегда опасны. И не только общественных – любых, в физике точка росы, например. Уже не пар, но ещё и не вода. Управление такими промежуточными состояниями – задача всегда сложная и неблагодарная. А когда картина ясная, тогда и решения принимать легче, и

результат просматривается. Вот и мы вносим ясность, разгоняем туман, закрашиваем белые пятна. И здесь, на этом берегу, со спутницей-красавицей тоже разгоняем и закрашиваем...

Вода – тёплая, зовёт, успокаивает. Миша, выказывая явную неловкость, снял рубаху. Тело белое – не загорел ещё, жилистое, на левом плече шрам, на рёбрах справа шрам, левая рука прострелена. Мария посмотрела на него и отвела глаза. В платье полегче – морской воздух нежно холодит.

– Маша, можешь искупаться, – смущённо сказал Сеулин, – я отвернусь, а то и вообще убегу, вон туда – за камни. – Обернулся, указал рукой в сторону камней. Что-то его насторожило, он прищурился, прикрыл глаза ладонью от солнца. Вроде, среди камней промелькнуло что-то. Присмотрелся – нет, ничего.

– Море! Когда ещё доведётся, – попытался он надавить.

– В следующий раз – непременно.

Мария присела на большой камень. Михаил осторожно пристроился рядом. Как тут не волноваться! Он слегка и осторожно обнял Марию. Она – словно не заметила, посмотрела бездумно вдаль, помрачнела.

– Миша, а если бы не война? Море было бы таким же?

– Море – таким же. Мы – другими.

Мария глянула на руку Сеулина, лежащую на плече, задумчиво сказала:

– Другими. Ты бы был студентом. Нет, уже не студентом.

– Учителем, – сказал Сеулин. – В прибрежном посёлке, как этот. Математика, физика, механика... я бы так старался. Я благодарен моим учителям, и как было бы хорошо, если бы обо мне кто-то через годы вот так вспомнил... А ты? Врач – профессия достойная...

– Для этого годы нужны, длинные и непростые – медицина наука серьёзная. Они так летят. Мне уже двадцать два... Не знаю... Мне иногда кажется, что меня бы вообще не было. Или был бы где-то далеко другой человек. Со смешными косичками. Похожий на меня, но совсем другой. Война убивает и тех, кто остаётся в живых.

Она склонила голову и слегка прижалась щекой к руке собеседника.

– Ты понимаешь, Миша? Я не могу. Я ничего не могу. Ничего. Я хочу искупаться и не могу. Я хочу сделать что-то большое, огромное. И не могу. Я стараюсь прилежно выполнять всё, что мне поручается, я стремлюсь внести посильный вклад в большое общее дело. Но я ничего не могу придумать сама...

– Понимаю, – сказал Сеулин.

Он склонился к Маше и прочёл стихи:

И пыль далёких тех дорог

Он смуть пытался в водах Ганга.

Пытался. И, увы, не мог.

И вот зовёт морское танго...

Маша удивилась, помолчала и повторила: «И вот зовёт морское танго...»

Она аккуратно отстранилась от Сеулина.

– Непокойно что-то на душе. Мне всё время кажется, что за нами кто-то наблюдает. Там в камнях кто-то есть.

Михаил окинул взглядом прибрежные камни и неопределённо пожал плечами:

– Мне тоже показалось. Мало ли. Не одни же мы на всём этом берегу. Рыбаки, приезжие. Даже авиаторы. Они, кстати, там! – он указал рукой в сторону палящего солнца. – На горе. Сходим? Я недавно был в авиационном техникуме, однокашник пригласил. Там такое строят... Из ничего – хочешь верь, хочешь нет! – лепят лётные машины – фанера, ткань, проволока... Планер – не самолёт, но со временем эти игрушки превратятся в грозные боевые машины, пассажирские летающие автомобили. Говорят, скоро вместо техникума будет военно-воздуш-

ная академия! Шаги – семимильные! Это только начало. А скоро – в один перелёт до Владивостока! Веришь?

– Верю, верю, Миша, как тебе не верить. До Владивостока? А до Америки? До Северного полюса?

– Долетят! Без сомнения. Сейчас это кружки, добровольные общества, прожекты порой смешные. А откуда руки и головы золотые возьмутся? Отсюда – из этого массового увлечения. Гении воздухоплавания просто так на пустом месте не рождаются.

– Тогда и до неба... до космоса рукой подать? – с оживлением и лёгкой иронией спросила Мария.

– И до космоса! Пойми, Маша, технически, расчетно все эти задачи решаются. Значит, и практически мы можем – к звёздам. Конечно, кадры нужны – научные, технические, рабочие. Нужны материалы – новые, прочные, лёгкие. А откуда этому всему взяться, если не верить и не пытаться? Вот планеристы и закладывают...

Что «закладывают» Михаил не пояснил. Он рассмеялся, и громко сказал:

– Вот он «кто-то» !

Мария вздрогнула и посмотрела в сторону, куда указывал Сеулин.

Вдоль моря брела лошадь – без седла, взнузданная. На парочку, сидящую на камне, – ноль внимания.

– Конь... И вчера что-то говорили...

– Это не конь, это лошадь, – поправила Мария.

Сеулин смутился, предложил:

– Может, поймаем, отведём в посёлок?

– Попробуй, пехота, – с вызовом отреагировала Мария.

Сеулин неуверенно двинулся вслед за лошадью. Та ускорила шаг, он – тоже. Миша попытался прибавить, лошадь – тоже. На камнях особо не разбежишься. Мария негромко снисходительно рассмеялась. Лошадь оглядывалась, косила и не подпускала. Сеулин с досадой махнул рукой, возвратился к Марии. Вывод его был краток:

– Ему бы хлеба. Согласен – пехота.

– Ей, Миша, ей. Погуляет и вернётся – дом рядом.

Лошадь скрылась за камнями. Сеулин чувствовал себя неловко: и идиллия одиночества нарушена, и эта неудача с конём, с лошадью этой. Он не потерял мысль и хотел продолжить свой рассказ о воздухоплавании. И вдруг – громкое тревожное ржанье.

Маша и Михаил прислушались. Лошадь опять заржала, уже ближе. Через мгновение она выскочила из-за камней и почти галопом промчалась мимо оторопевших наблюдателей.

– Так и ноги не мудрено сломать, напугана она, – с беспокойством сказала Мария.

– Не мы же его... её так напугали.

– Не мы, это там – согласилась Мария и показала рукой в сторону, откуда появилась встревоженная лошадь: – За камнями. Может, волк?

– Откуда здесь волк? Да и есть они здесь вообще?

Сеулин обозначил поиск несуществующей кобуры и бросился к месту возможной опасности. На этот раз он передвигался быстро и уверенно. Большой камень, тень нормальная, не шевелится – пусто. Ещё один камень, тень... Пусто. Ерунда какая-то – здесь и спрятаться-то негде. Тем не менее, тем не менее. Ну и скользко! Дыханье сбилось, но терпимо. Никого и ничего.

7

Тролль

Виктор Фабрикант, с точки зрения внешнего наблюдателя, вполне состоявшийся бизнесмен, последнее время занервничал. Опыт, сын ошибок трудных, подсказывал: бывает белая полоса, бывает – чёрная, никто от напасти не гарантирован. В теории всё воспринимается, а вот на деле... Дела резко ухудшились, рабочие неприятности росли, как снежный ком. Позади были взлёты и падения, два бездетных, но ярких брака, немало светлых путешествий и увлекательных приключений, упорная работа, риск, напряжение, поначалу головокружение, а затем большая искренняя радость от успехов, большой со вкусом выстроенный дом... Фамилия способствовала. Теперь – одиночество, равнодушие, опостылевший замок-сарай, замаячившее вдали банкротство, отсутствие сил и стремления к сопротивлению и, возможно, даже то, о чём пока и подумать было страшно. Фамилия показала реверс.

Но как знать, где полоса чёрная, а где белая. На счёт поступили деньги. Немало. На личный расчётный счёт. Это белая полоса? Нет. Деньги любят ясность и порядок. Поступить-то они поступили, но от кого – не известно. Сюрприз? Виктор был не из тех, кто верил в такого рода сюрпризы. Назначение платежа: оплата urgentных услуг. Отправитель – некий господин Кладов. Формулировка странная, что-то из области медицины. Хотя как посмотреть: из области медицины – это, так сказать, в бытовом смысле, и смысл этот понятен тому, кто прямо или косвенно с такого рода urgentной помощью сталкивался. А если смысл здесь не медицинский? То есть речь идёт о неких срочных услугах. Виктор никакой частной практикой не занимался и, естественно никаких услуг оказывать не мог. Расчётный счёт открыт, и довольно давно, в основном для роялти – всё честно, зачем неприятности с налоговой.

Деньги были нужны – сермяжная правда. Очень нужны! Но тратить-то их нельзя – старая школа – дорогая школа запрещала. Виктор мог подключить свои связи и без особого труда вычислить кредитора. Но интуиция подсказывала: если ошибка, то через день-другой всё выяснится. А вот чуйка кричала: нет, не ошибка это, мой дорогой Виктор, это продолжение неприятностей, и никого ты не вычислишь. Пришёл человек в сберкассу, назвался Кладовым или там Алмазовым и перечислил. В напряжённой борьбе мнений победила чуйка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.